

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

Коллхофф Г.

buro@kollhoff.de

ООО «Генеральный проектировщик проф. Ханс Коллхофф»,
г. Берлин, Германия

Перевод с немецкого:

Филиппов В.Н.

vfilippov58@gmail.com

Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств (НГУАДИ) имени А.Д. Крячкова,
г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.036

DOI: 10.37909/978-5-89170-315-5-2022-2001

ББК: 85.118

АРХИТЕКТОРЫ, ВЫ УПРАЗДНЯЕТЕ СЕБЯ !

Аннотация. Настоящий текст является фрагментом из книги выдающего современного немецкого архитектора-традиционалиста Ханса Коллхоффа «Архитекторы. Деградация профессии» (2022 г.), переведенным на русский язык российским архитектором В.Н. Филипповым. Коллхофф рассматривает одну из опаснейших тенденций в мировой архитектурно-градостроительной практике последних десятилетий – так называемое «циркуляционное градостроительство», которое требует непрерывной и тотальной смены («обновления») архитектурной среды городов и уничтожения их наследия с целью увеличения и интенсификации прибылей инвесторов. Такой подход к городу и архитектуре вступает в экзистенциальный конфликт с базовыми основами архитектурной профессии и закономерностями формирования городов, которые апробированы тысячелетней практикой: преемственностью, устойчивостью, ориентацией на человека и традиционные ценности. На русском языке публикуется впервые.

Ключевые слова: модернизм; Баухаус; «Новый европейский Баухаус»; «живой город»; архитектурное наследие; традиционализм; «новый урбанизм».

Kollhoff H.

buro@kollhoff.de

Prof. Hans Kollhoff Generalplanungs GmbH,
Berlin, Germany

Translation from German:

Filippov V.N.

vfilippov58@gmail.com

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

ARCHITECTS, YOU ABOLITION YOURSELF !

Abstract. This text is an excerpt from the book of the outstanding contemporary German traditionalist architect Hans Kollhoff «Architects. Degradation of the Profession» (2022), which was translated into Russian by the Russian architect V.N. Filippov. Kollhoff considers one of the most dangerous

trends in the world architectural and urban planning practice of recent decades – the so-called «circulating urban planning», which requires a continuous and total change («updating») of the urban environment and the destruction of architectural heritage in order to increase and intensify investors profits. This approach to the city and architecture comes into existential conflict with the basic foundations of the architectural profession and the patterns of city formation, which have been tested by thousands of years of practice: continuity, sustainability, human orientation and traditional values. Published in Russian for the first time.

Keywords: modernism; Bauhaus; «New European Bauhaus»; «living city»; architectural heritage; traditionalism; «new urbanism».

Ганс Коллхофф («Архитекторы. Деградация профессии») [1].

«С опорой на будущее», Федеральная палата архитекторов Германии (BDA) надеется, что «искусственная среда может соответствовать социальным изменениям». Это должно быть достигнуто с помощью программы «Новый европейский Баухаус» (NEB), которую представила председатель Еврокомиссии г-жа Урсула фон дер Ляйен и которая «почти с энтузиазмом» была принята BDA. Общеευропейская культура реструктуризации, системные изменения неизбежны.

При этом, кажется, было забыто, что не только архитекторы сталкиваются с социальными изменениями, но и простые люди тоже. Несмотря на всю эту суету происходящую вокруг них, они нуждаются в достаточной преемственности. Сегодня, когда все меняется без их вмешательства, а наша профессия изо всех сил старается следовать техническим «инновациям», которые диктуются экономическими интересами, основная задача для архитектора как никогда состоит в том, чтобы дать людям ощущение, что они находятся в надежных руках – спокойно чувствуют себя в своем доме, в своем поселке, в своем городе. «Будущее» стало маркетинговой стратегией. Обязательно ли быть там, если самые последние «видения» будущего привносятся в мир людьми, чьи жизни не затронут [его] последствия, и необходимы ли инновации, о которых следующее поколение больше не желает слышать? Кто придает большое значение тому, что возвращаясь после тяжелого рабочего дня, может включить свою электроплиту при помощи iPhone? Кто действительно убежден в том, что можно экономить электроэнергию с помощью «умных» розеток и выключателей? Кто добровольно установит окна, которые нельзя открыть, и для того, чтобы обеспечить приток воздуха в гостиную, необходимо просверлить дыру в наружной стене с вентрешеткой? На волне пандемии, по крайней мере, эта идея была похоронена.

Европейские народы по-прежнему «конституированы» в местах, которые имеют свою историю и специфику, физически ощутимые в строительной ткани. Именно поэтому население сопротивляется, когда их село или город могут потерять [свое архитектурное] лицо из-за сноса и нового строительства, именно поэтому даже спустя несколько поколений звучат громкие призывы к восстановлению утраченного наследия. И архитекторы, строя «красиво, полезно и долговечно» в соответствии с триадой Витрувия, крайне заинтересованы в такой преемственности, создающей идентичность.

Понимаемое таким образом здание не подпадает под «циклическое» мышление, фатальным образом лежащее в основе стандартов устойчивости. Оно поражает архитектуру в самой экзистенциальной точке и этим ставит под сомнение профессию. Уже исходя из социальной ответственности, архитектор в принципе

призван строить на века. Тот факт, что мы уже не можем сегодня рассчитывать на это, является проблемой, которую надо решать с каждым новым проектом. Дома, села и города не являются товарами народного потребления. К ним, как и к невозполнимой земле, следует относиться внимательно, заботиться о них и защищать от бездумного потребления.

В потребительском капитализме прочное, потенциально вечное здание является помехой: чем лучше оно построено, чем оно красивее, полезнее и долговечнее, тем скромнее прибыль, которую можно из него извлечь. Его качества не учитываются при официальном расчете благосостояния, валового внутреннего продукта (ВВП). Только когда этот дом снесут и на его месте появится другое здание, пусть и более низкого качества, наше процветание будет расти дальше. Без рыночной цены товары и услуги в расчет не включаются. Еще в 1968 г. Роберт Ф. Кеннеди саркастически заметил: «Валовый внутренний продукт включает все, кроме того, ради чего стоит жить».

Поэтому вызывает раздражение знание того, что в качестве конечной цели т.н. «зеленой сделки» г-жа фон дер Ляйен видит Европу «лидером экономики замкнутого цикла». Это европейская стратегия экономического роста с рычагами управления для строительной отрасли. Как и программа «Новый европейский Баухаус» (NEB), эта инициатива Еврокомиссии растиражирована в красочных брошюрах и известными фразами об устойчивом развитии. В них доверчивый зритель видит красный квадрат (красивый и гуманный мир), желтый треугольник (единение функции и эстетики) и синий круг (хороший дизайн делает вашу жизнь лучше), эти иконы прекрасного мира Пита Мондриана, которые банальным и бесстыдным способом иллюстрируют образ устойчивости. Или две миланские громоздкие коробки¹, украшенные живыми изгородями и деревьями, деталями, которые делают их «интересными» и невольно отсылают нас к «экономике замкнутого цикла» (циркуляционной экономике). Неудивительно, что миланский проект удостоен престижной немецкой премии в области высотного домостроения.

Теперь ваши инвесторы объявляют о следующем логическом шаге: «Будущее за лизингом жилья» – так недавно заявил старший управляющий директор «Corriere della Sera». Такое жилье с коворкингом, фитнесом, игровыми пространствами для детей, услугами няни, «удаленная» (Covid) и «умная» работа – все это рассчитано, без каких-либо спекулятивных намерений, не на рынок в люксовом сегменте, а на людей со средними доходами, которые ищут гибкие решения без слишком больших долгосрочных инвестиций. Италия остро нуждается в этой миланской модели, уже есть планы распространить этот опыт на Флоренцию и Рим.

Глава компании ECE Group Александр Отто², которому удалось внедрить свои торговые комплексы в исторические центры по всей Германии, собрав на круглом столе мэров, руководителей строительных департаментов, чиновников городских и районных администраций в рамках благотворительного фонда с говорящим названием «Живой город», вручает призы с чеками: 10 000 € за лучшее освещение здесь, 5000 € для ассоциации там и т.д. Человек, который позаботился о том, чтобы в исторических центрах городов больше не было жизни, кроме шопинга, теперь подчеркивает, что «ранее чисто коммерческие локации должны стать оживленными городскими кварталами с такими дополнительными функциями, как отели, жилье, административные здания с фитнес-студиями и досуговыми центрами». Ничего другого ему в голову не приходит. Тем более не приходит мэрам, которые зачастую озабочены только тем, как бы вытащить свои стра-

дающие города из анонимности по принципу Эльбской филармонии³, чего бы это не стоило. Чтобы быть отождествляемым с этими «гениальными» мечтами, нельзя надеяться на большее, чем один избирательный цикл, иначе этот триумф «упадет в ноги» и будет ассоциироваться с преемником. Правда еще более искусно делает Рене Бенко⁴, который предпочитает только лакомые кусочки, как правило поглощая полюбившиеся горожанами универмаги потому, что они не приносят ту прибыль, которую ожидают широко циркулирующие по миру инвестиционные денежные потоки.

Взглянув за пределы Европы, мы увидим еще более поразительную картину: благодаря своему стремительному развитию от романтического острова до глобального игрока в ассоциации мегаполисов, Сингапур является идеальной моделью для исследований. Во введении к только что вышедшей книге «Строительный фонд Сингапура: новые подходы и анализ трансформаций» (2021 г.) автор, Ута Хасслер пишет: «Строительные трансформации приобретают актуальность в соответствии с урбанизацией нашей планеты». Восстановление структуры зданий может достичь огромных масштабов, как только будут задействованы спекуляции землей и недвижимостью, что вызовет приток иностранного инвестиционного капитала. Спекуляция в сочетании с растущей индустриализацией строительной отрасли будут приводить к сносу существующих и строительству новых зданий со все более короткими циклами, темпы которых будут угрожать устойчивости всей системы. Традиционные концепции [отвечающие на вопрос] как обращаться с застроенным наследием, напротив, основываются на принципах аутентичности и сбережения скрытых технологических, исторических и художественных ценностей.

Теперь, когда юбилейные мероприятия посвященные 100-летию Баухауса правильно и плохо завершены, возможно, пришло время, прежде чем пропагандировать Новый европейский Баухаус (NEB), указать на громкие успехи лейбла «Bauhaus», которыми можно «восхищаться» и в городе, и в деревне. Особенно на периферии больших городов, не только в Германии и Европе, но и во всем мире, где не хватает средств или воли к созданию мест, в которых хотелось бы добровольно остаться на постоянное место жительства. Все это кажется апофеозом не только современного строительства, но и разрушительной мощи современного человека. Взгляните из окна в Брюсселе, или поезжайте из аэропорта в центр Парижа или Лондона – вокруг сплошной Баухаус! Морфология Баухауса присутствует везде – от фавел в Рио (неуклюжий бриколаж) до китайских мегаполисов (гладкая промышленная форма). Подавляющее большинство населения земного шара наслаждается миром Баухауса – успешной моделью, равной которой нет – «сделано в Германии»!

Если Веймарский Баухаус все еще был ориентирован на ремесленное формотворчество, то в Дессау быстро возобладало промышленное производство: от стеклянных изделий Вагенфельда до консольного стула Брейера – этими продуктами классического модернизма по праву восхищаются до сих пор. Следует, однако, дистанцироваться от катастрофических послевоенных приемов Баухауса, которые явно прослеживались в творчестве и устремлениях Вальтера Гропиуса. В то время как Веймарская школа, основанная Анри ван де Вельде по-прежнему стремилась соединить искусство и ремесло с целенаправленным рациональным промышленным производством, строительство зданий Баухауса в Дессау (1926 г.) открыло путь не только к фатальной художественной автономии строительства,

но и к неправильному использованию архитектуры в других областях. Наконец, Ханнес Мейер еще более активно продолжил сотрудничество с промышленностью и подчинил архитектуру функционалистским требованиям: «Все строительство есть организация». Впоследствии Альберт Шпеер с успехом использовал этот призыв в Третьем рейхе.

Традиции промышленного строительства, которые достигли пика своего развития в грандиозных постройках Петера Беренса для компании AEG, все еще заметны в фабрике Fagus Вальтера Гропиуса и Альфреда Мейера. Однако со строительством корпусов Баухауса в Дессау архитектура окончательно освободилась от принципов обычного домостроения и тектонического членения здания. Им на смену пришли правила свободной художественной композиции и, чуть позднее, поточного промышленного производства. Строительные компоненты становятся заметно тоньше, структуры получают все более абстрактный облик, присутствие художественно изготовленных ремесленных артефактов стало размываться. Вы окончательно прибыли в утопию.

После некоторого сопротивления со стороны слабеющего буржуазного общества, стиль Баухауса был быстро признан, в силу своей прибыльности (экономической эффективности), всеми сторонами, задействованными в строительстве. Если оказалось возможным отказаться от всего, что раньше могло демонстрировать взаимосвязь функциональных и технических сторон, помогало строительной задаче адекватно выразиться, если даже материальность исчезла за белой краской, то все то, что в немецком языке понимается под «структурой» здания, стало ненужным. Архитектор теперь, наконец, превратился в художника, проектирование для него стало дизайном, по сути направленным на создание привлекательной упаковки. И вот так, почти незаметно, продукт Баухауса трансформировался из художественно-социальной идеи в бизнес-модель потребительского капитализма, и далее [–] в международное движение.

Несмотря на благородные амбиции раннего Баухауса, его наследие (продукция) оказалось во времена послевоенного западногерманского экономического чуда банальным зарабатыванием денег, что не только катастрофически сказалось на архитектурном и строительном качестве, но и серьезно дискредитировало нашу профессию – фиаско, равного которому не было и от которого мы не оправились до сегодняшнего дня. В англо-американской архитектурной критике Вальтер Гропиус, поэтому, предстает как противоречивая фигура, которая повернувшись спиной к ходу истории, попыталась противостоять всепроникающей унылости функционалистской архитектуры, украшенной диаграммами и схемами в попытках сделать ее «интересной», в то время как молодое поколение архитекторов уже готово было вернуться к традиционным ценностям европейской архитектуры и градостроительства.

Пропагандируемый госпожой фон дер Ляйен с благими намерениями NEB-проект основан, в том числе, на творческих гипотезах, которые еще недостаточно проверены. Таких, например, как выдвинутая известным исследователем влияния климата на человека Гансом Йоахимом Шеллнхубером, который теперь занимается архитектурой. В газете «Sueddeutsche Zeitung» можно прочитать о том, что экологически чистые методы строительства должны быть основаны на междисциплинарных проектах, предусматривающих строительство «из дерева, глины, камыша и тростника». «Никогда не было эпохи – пишет Шеллнхубер – в которой человечество жило столь отвратительно, столь враждебно по отношению к людям

и климату, как сегодня». Он хочет изменить это, построив в рамках программы NEB дома для разных по климату мест, с разным составом населения и культурными и художественными традициями. Важно, при этом, избегать «аббераций, таких как отдельно стоящие дома на одну семью».

Это при том, что часть людей «обитают» не так уж и плохо, особенно в Европе, и индивидуальный дом для них является нормой, как и для архитекторов, которые по-прежнему считают проектирование такого объекта важнейшей строительной задачей. Из этих предположений и недоразумений становится ясно, насколько глубоко укоренился сегодня в довольно критических умах современный «немецкий» импульс осчастливить человечество, если не спасти его, «прогрессивными» изобретениями. После ста лет изобретательского безумия Баухауса, теперь, когда крах случайных экспериментов, столь же бессмысленных, сколь и прибыльных, обернулся угрожающим «наследием» [модернизма], люди начинают думать о строительстве из соломы и древесины, как о спасении. Но, очевидно, что это не согласуется со здравым смыслом и поэтому требуется вмешательство искусственного интеллекта. Как только стало понятно, что мы не можем добиться какого-либо прогресса, расширяя спектр технических инноваций в поиске решений ресурсосбережения в строительстве, не в последнюю очередь из-за быстрого сокращения срока службы передовых технологий, мы вдруг с удивлением обнаружили, что возвращаемся к традиционным материалам и методам. Но использование искусственного интеллекта помогает нам сохранить лицо.

По словам Вольфганга Штрека («Граждане как покупатели», 2012 г.) насыщение рынков стандартизированными потребительскими товарами серийного производства в 1970-х годах привело к переходу «от удовлетворения потребностей к исполнению желаний», и, наконец, ко «все более целенаправленным маркетинговым мерам» вплоть до наших очень индивидуализированных социальных сетей. Люди стали сознательно ускорять моральное устаревание продуктов. Вместо традиционных общин в конечном итоге сформировались сообщества потребителей. «Контраст между локальными сообществами прошлого и безграничными обществами потребителей» проявляется как конфликт, политические последствия которого не ограничиваются нашим повседневным сосуществованием.

Стоит ли удивляться, что долговечность зданий не включена, или недостаточно включена, в «зеленую» сертификацию и их можно сносить и перестраивать каждые пятьдесят лет. При этом мы отказываемся от самого принципа города, и не только европейского. В конце концов, мы обязаны перед предками бережно относиться к наследию, развивать его, улучшать и совершенствовать, следуя глубоко человеческому стремлению увидеть то, что человек создал в своей жизни, как личность и как член общества – жить дальше, чтобы видеть.

«Строитель дома» не хочет ничего другого, поэтому его не следует недооценивать, даже если у его детей могут быть разные представления о жизни. Дом, который планируется снести, не является домом. В лучшем случае это временное решение и поэтому [оно] является задачей для архитекторов только в исключительных случаях, как например, в случае аварийного размещения или создания «праздничной» архитектуры. С другой стороны, сама архитектура возникла из таких импровизированных сооружений, деревянных хижин или пещер. Как только самая насущная потребность была удовлетворена, двигаясь дальше, уточняя и совершенствуясь в зависимости от климата и топографии, типологические и конст-

руктивные особенности строительства «затвердевают». И этот опыт ремесла перерос в профессию, которая называется архитектурой.

Флориан Наглер из Технического университета в Мюнхене [2] запустил сенсационный исследовательский проект по устойчивому «простому строительству», чтобы доказать, что дома, построенные традиционными методами, в сочетании с технологией минимизированного строительства превосходят сегодняшние стандартные методы строительства с точки зрения «оценки экологического баланса и стоимости жизненного цикла». Вместо сегодняшней привычной теплоизоляционной композитной системы из слоев полистирола и штукатурки с использованием пластика, однокомпонентные наружные стены трех выставочных домов в Бад-Айблинге, были сделаны из массива дерева, газобетона и пустотелых кирпичных блоков. Спартанские трехэтажные дома без балконов имеют скатные, консольно нависающие крыши и стены, которые кажутся изготовленными вручную из соответствующих материалов, где строительные швы скупно структурируют монолитное тело с глубоко заглубленными оконными проемами.

С 1920-х гг. современные здания демонстрируют дематериализацию, тонкие железобетонные перекрытия, столь же тонкие несущие стены, белую штукатурку, большие стеклянные поверхности, стальные трубы, тонкие как спички, в качестве несущих опор. В 1950-х гг. в качестве утеплителя стала использоваться плита Heralith из прессованного цемента и стружки. В 1970-х гг. мир покорила пенополистирол, первоначально толщиной 6 см, потом все толще и толще до [–] 20–30 см, к чему сейчас с трудом привыкли. В случае с социальным жильем я с горечью сейчас вспоминаю о том, что речь всегда шла о толщине стен. В случае крупномасштабных проектов рентабельность могла зависеть от уменьшения толщины стены на один сантиметр. Как ни крути, наружная стена толщиной меньше полуметра сегодня практически невозможна, это порог, в который уперся Ф. Наглер со своим легким бетоном. В случае с деревом можно на 10 см меньше. На вопрос, как в будущем строить дома, Наглер коротко отвечает: «Как вчера». Спустя двадцать лет ему наконец удалось оторваться от «современности», от «карточных домиков с плоскими крышами из бетона».

С системой Nagler, благодаря компьютерному моделированию, мы снова вернулись туда, откуда пришли, к дому эпохи грюндерства (Gruenderzeithaus, 1860–1870-е гг.) с его пространственными пропорциями комнат, вам осталось лишь заблокировать их, добавить этажи и ничего более. Никакой глины, тростника и камыша, как бы красиво это не выглядело в сельской местности. Gruenderzeithaus по образцу итальянского палаццо (заметим, что это строительство в расчете на извлечение прибыли, то есть рискованное) с узкими дворишками, садами и тенистыми деревьями, с консольно нависающими крышами, глубокими планами, толстыми стенами и брандмауэрами, имеющими только два фасада – представительный, выходящий на улицу, и более утилитарный, выходящий во двор, роскошной высоты комнаты и высокие окна, уходящие вглубь широкой затененной открытой лоджии – все это представляется очевидно выигрышным по сравнению с современными попытками построить дешевое и при этом более экологичное и устойчивое жилье. Особенно, если вы готовы обойтись без панорамных окон, отказаться от клише стереотипных «залитых светом» комнат, возможно, даже научитесь ценить приглушенный свет и, что важно, воздержаться от обогрева всех комнат до 21°C. Кроме того, заполнение оконных проемов стеклопакетами без манжетного уплотнения для циркуляции воздуха и риска возникновения плесени,

центральное отопление с чугунными радиаторами, установленными в нишах под окнами. Только крыша может быть дополнительно утеплена, а технология отопления разумно оптимизирована – вот и все, что нужно.

Именно так может выглядеть новое здание, с условно оштукатуренными стенами из пустотелых кирпичных блоков, выходящими на улицу и во двор. Если отопление правильно регулируется в холодное время года, вы немного снижаете комфорт и надеваете свитер, если в спальне прохладно – можете позволить себе уютную кашемировую пижаму – больше ничего придумывать не надо.

Проблема летнего охлаждения для таких домов отсутствует. Наконец, если дать жильцам немного больше пространства, то можно спокойно поработать дома, или собраться с друзьями, либо позволить порезвиться детям. Нет необходимости прилагать какие-либо дополнительные усилия по апробированию новых типологий. Но, конечно, не с точки зрения городской планировки: узкие улочки и аллеи с высаженными деревьями, техническая инфраструктура под тротуарами, магазины повседневного спроса на первых этажах и, время от времени, сквер, парк или небольшая площадь – все, что нужно. Потребовались столетия, чтобы этот принцип городского сосуществования возник, от Месопотамии до Помпеи, от римских провинций до столичного многоквартирного дома, каким мы его знаем в Париже, Вене или Милане – лучше этого не получится! Такие дома и пространства должны быть защищены законом, к их фасадам нельзя даже прикасаться чтобы «оптимизировать» их энергетически.

Опытному архитектору нетрудно сегодня заметить, что нет ничего более устойчивого, чем квартальная жилая застройка периода *Gruenderzeit*, не в последнюю очередь потому, что эти дома до сих пор не снесены и нет планов по их вовлечению в оборот экономики замкнутого цикла с последующим воспроизводством. «Циркуляционное» мышление – это чистая прибыль строительной отрасли, которой на руку снос и новое строительство вместе с прикрепленной к нему цепочкой «зеленых» строительных технологий с их стандартами и знаками качества при поддержке федерального правительства – через 20 лет все готово к груде металлолома. Экономика замкнутого цикла не только противоречит самооценке архитектора, но и разумному представлению об устойчивости.

В пользу этого совершенствовавшегося веками метода строительства следует отказаться от строительства «социального» жилья, изобретенного в годы Баухауса и изначально успешного как кооперативная модель, но сегодня выглядящая как анахронизм на городской окраине. Удивляешься, нужно ли это вообще, имея в виду то, как не моргнув глазом на это тратятся миллиарды. А где живут те, кто не может позволить себе виллу в Далеме, но больше не нуждается в «социальном» жилье? Разве нельзя было уже давно возрождать города изнутри, сознательно занявшись проблемными площадками, районами и зонами, которые деградируют? Районы с загрязнением, участки, где необходимо уточнять права собственности, вредные выбросы, спорные политические амбиции и, наконец, миллионы небольших участков, которые не задействованы в обороте, поскольку новое строительство на них «не окупается».

Иногда будущее наступает прошлое, как сейчас, когда близится конец крупных торговых центров, которые «ранили» города в самых уязвимых точках и разрушили столь ценное городское пространство, просто для того, чтобы получить сиюминутную прибыль за счет дешевого потребления и немецкой «охоты за скидками» под лозунгом «Живой город» (ECE Group). Теперь можно с надеждой

смотреть в будущее: убирать мусор с пешеходных зон и оживлять улицу при активной поддержке архитекторов. Жить снова в центре города – эта цель достижения, если следовать девизу Берлинской ИВА: «Центр города как место жизни». Вы снова сможете спокойно гулять с семьей, не опасаясь того, что торговые центры будут постоянно вытаскивать у вас деньги из кармана. Вы снова сможете сидеть с друзьями и пить пиво на расчищенных площадях, как сейчас это возможно на юге Германии во Франконии.

Примечания переводчика:

¹ Жилой комплекс «Вертикальный лес» в Милане, архитектор Стефано Боэри.

² ECE Group – крупнейшая компания в Германии, управляющая почти 200 торговыми центрами и работающая на рынке коммерческой недвижимости по всей Европе. Глава компании организовал благотворительный фонд «Живой город».

³ Эльбская филармония – крупнейший реализованный проект швейцарского архитектурного бюро Герцог и Пьер де Мирон в Гамбурге.

⁴ Рене Бенко – австрийский предприниматель и инвестор, глава Signa Group, владелец KDW и сети универмагов Karstadt. Построил на главной исторической улице в центре Инсбрука Kaufhaus Tyrol, архитектор Дэвид Чипперфильд.

Список литературы:

1. *Kollhoff H.* Architekten: Ein Metier baut ab / Ed. A. Hamilton. – Springer: zu Klampen Verlag, 2022. – 128 s.

Список источников:

2. Research Houses Bad Aibling / Florian Nagler Architekten (20.04.2021) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.archdaily.com/960283/research-houses-bad-aibling-florian-nagler-architekten?ad_source=search&ad_medium=projects_tab# (дата обращения: 23.06.2022).